

В. Н. БОЛОЦКИХ
А. И. ДАВЫДОВ

**АНАРХИЗМ:
ИСТОРИЯ
И МЕНТАЛЬНОСТЬ
РУССКОГО БУНТА**

В. Н. Болоцких

**Анархизм: история
и ментальность русского бунта**

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

Анархизм: история и ментальность русского бунта /
В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832787-2

В России распространён миф о бунтарском духе русского народа, прежде всего крестьянства. Именно миф, никаких исследований бунтарства народа не проводилось. В работе прослеживается зарождение, развитие и ментальность русского анархизма как наиболее наглядного проявления бунтарского духа любого народа. Анархизм вечен, он существует столько же, сколько и государство. Поэтому он может помочь понять особенности государства. Анархизм внешне привлекателен, но всегда проигрывает государству. Почему?

ISBN 978-5-44-832787-2

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
1. Общая характеристика анархизма	9
2. Концепция анархистского общества Бакунина	13
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анархизм: история и ментальность русского бунта

В. Н. Болоцких

А. И. Давыдов

© В. Н. Болоцких, 2016

© А. И. Давыдов, 2016

ISBN 978-5-4483-2787-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В России в массовом сознании, в публицистике, в искусстве и даже в историографии широко распространён миф об исключительно бунтарском духе русского народа, прежде всего крестьянства. Но именно миф, так как никаких специальных исследований, «замеров» степени бунтарства русского народа не проводилось и все доказательства сводятся, как правило, к словам А. С. Пушкина о «бессмысленном и беспощадном русском бунте». В данной работе предпринимается анализ этого мифа на примере истории зарождения, развития и ментальности русского анархизма как наиболее наглядного проявления бунтарского духа любого народа.

Анархизм в России как направление общественной мысли и как социальное движение возник в середине XIX в. и существует по настоящее время. Современный анархизм сформировался и стал популярен в XIX в. в странах с большой долей крестьянского, ремесленного и кустарного производства в период становления индустриального общества (капиталистического строя), что вело к имущественному расслоению и превращению всё большей части крестьян, ремесленников и кустарей в пролетариев – лишённых собственных средств производства наёмных рабочих. Это прежде всего Испания, Италия, Франция, Швейцария. А также Россия.

Анархистские идеи проникли в Россию из Европы во второй четверти XIX в. Анархистские нотки заметны у Герцена, петрашевцев, революционеров начала 1860-х гг. И это неслучайно, предпосылки для возникновения анархизма на российской почве носят как социально-экономический, так и идейный характер.

В России этого периода всё заметнее становился капиталистический уклад в экономике, начался промышленный переворот, который в первую очередь проходил на предприятиях с наёмным трудом, под воздействием роста рыночных отношений происходили изменения в крепостническом хозяйстве – одни землевладельцы-дворяне втягивались в рыночные процессы, другие разорялись. Кризис начинает всё сильнее проявляться в крестьянском хозяйстве. Социально-экономические процессы создавали почву для зарождения и развития революционных течений.

С другой стороны, идейные поиски сторонников решительных перемен и защиты интересов народа привели к теории «крестьянского социализма» на основе русской крестьянской общины с её уравнительными переделами пашни, традициями общинной взаимопомощи и самоуправления. Теория «крестьянского социализма» в явной или неявной форме содержала элементы анархизма, так как конечной целью ставила переход к обществу справедливости и равенства на основе принципов крестьянской общины, что не оставляло места для государства и власти.

С точки зрения конечной цели, коммунизм, включая его марксистскую разновидность, также содержит сильные элементы анархизма. Можно даже сказать, что коммунистическое общество является просто анархическим, так как в нём провозглашается отсутствие государства, заменяемого общественным самоуправлением. Различие между анархистами и коммунистами заключается не в постановке конечной цели, тут как раз много общего, что и демонстрирует появление анархо-коммунизма, а в средствах и методах достижения цели.

Коммунисты, прежде всего Маркс и Энгельс с их последователями, считали неизбежным и обязательным переходный период от капитализма к коммунизму с обязательным же захватом власти пролетариатом и установлением диктатуры пролетариата. Государство диктатуры пролетариата как государство самих трудящихся должно было добить остатки эксплуататорских классов, сломить их сопротивление, провести необходимые преобразования в социально-экономической сфере, а заодно и в сфере власти.

Идея сохранения государства, хотя бы только на переходный период и с привлечением к управлению широких пролетарских масс, ликвидацией всех привилегий чиновничества и т.д., всегда была слабым местом марксизма и мишенью для его противников как из буржуазного, так из революционного лагерей.

Слабым местом эта идея была потому, что возникал вопрос, кто будет управлять средствами производства после ликвидации частной собственности на них и уничтожения капиталистов. Сначала государство, отвечали марксисты. Но кто потом, после его «отмирания» и исчезновения? Управление даже отдельным предприятием достаточно сложно, нуждается в умении, знаниях, способностях. Все сообща управлять не могут, этого не было даже в русской крестьянской общине, где каждая семья сама и совершенно самостоятельно решала, как ей вести своё хозяйство. Поэтому логические рассуждения приводили к выводу, что вместо власти капитала и его государства установится власть коммунистических чиновников и ещё неизвестно что хуже для народа.

Ярыми критиками марксистских идей о государстве, политической борьбе, о создании политических партий пролетариата, строгой дисциплине в революционных организациях (в том числе и прежде всего политического типа) были и анархисты. Соглашаясь во многом с Марксом и его последователями в характеристике будущего справедливого общества, анархисты выступали за немедленное и полное разрушение государства и отмену властных отношений.

Конечно, попытка практической реализации анархистских теорий также привела бы к возникновению мощного бюрократического всевластного государства. Альтернативой может быть только полная деградация общества и скатывание к первобытному существованию. Но в XIX – XX вв. резкая критика со стороны анархистов, известных своей крайней революционностью, своими активными действиями и имевшими часто большую популярность в массах, доставляла марксистам много неудобств. Отсюда яростная полемика Маркса и Энгельса, а потом Ленина с анархистами. Подсчитано, что во втором издании сочинений Маркса и Энгельса содержится 430 антианархических работ, а в полном собрании сочинений Ленина – 240.

Советская историография анархизма поэтому посвящена не анализу и оценке анархистских теорий, идей и направлений, а сводится к их ожесточенной критике за якобы мелкобуржуазную революционность, отражение интересов буржуазии, псевдореволюционность, за волюнтаризм, вплоть до заявлений, что анархизм – орудие борьбы против революции и тому подобное. Закономерным также является то, что главными недостатками анархизма советские историки считали не отрицание анархистами государства вообще, а отрицание именно государства для переходного периода, т.е. государства диктатуры пролетариата, а также необходимости создания политических организаций рабочего класса со строгой дисциплиной, «демократическим централизмом» и борьбы за власть в рамках буржуазного общества.¹

Российский анархизм изначально был тесно связан с европейским, он многое воспринял у Запада, но и русские анархисты внесли большой вклад в теорию и практику европейского анархизма. С Прудоном были знакомы Бакунин и Герцен. Но если первый многое перенял у одного из основателей анархизма, то второй отнёсся к его идеям критически. С конца 1850-х гг. зарождается нигилизм, выступавший за свободу личности и индивидуализм и в котором присутствовали элементы анархизма. В многочисленных кружках революционно настроенной молодёжи в это время читались и обсуждались сочинения Прудона и Штирнера, некоторые их идеи в самой разной комбинации – от соединения с социалистическими теориями до буржуазного индивидуализма получили признания у членов этих кружков. Теоретическое обосно-

---

¹ 1. Канев С. Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 3—22.

вание нигилистского анархизма связано с именем Н. В. Соколова, встречавшегося с Прудоном и ставшего его горячим сторонником. Н. Д. Ножин развивал идеи анархо-индивидуализма. Он считал отрицательным явлением возникновение разделения труда и высказывался в пользу складывания «целостной личности», которая должна жить в общества справедливости-равенства на принципах коллективизма наподобие колоний морских гидр.² Анархистские идеи были распространены в движении революционных народников 1870-х гг. В это время ряды российских революционеров состояли исключительно из выходцев из дворянства, купечества, духовенства и разночинских городских слоёв. Но они ставили своей целью освобождение народа и построение общества равенства и справедливости на основе крестьянской общины. Возникновение собственно анархистских организаций с участием представителей крестьян, ремесленников и кустарей относится в России к периоду первой революции. Особый подъём анархизм в России переживал в годы революции 1917 г. и гражданской войны. В крайне незначительных масштабах и в скрытых формах анархизм существовал в советский период. Он активизировался во время перестройки и в первые постсоветские годы. Но и в настоящее время анархизм в России существует. Анархистские идеи живы, анархистские группировки действуют и в других странах, даже самых развитых, идущих на пути к постиндустриальному обществу.

Вот и возникает вопрос: почему? Попробуем ответить на этот вопрос на примере России.

---

² Там же. С. 29—31, 33, 38—43, 70—102.

1. Общая характеристика анархизма

Само понятие «анархизм» происходит от греческого слова *anarchia* – безвластие. Анархизм как общественно-политическое и социально-экономическое учение отрицает необходимость государственной власти и политической организации общества, провозглашает своей целью освобождение человека от всех видов политического, экономического и духовного гнёта, установление абсолютной свободы каждой отдельно взятой личности, немедленное уничтожение всякой власти и создание федерации мелких автономных ассоциаций производителей. В таком виде анархизм сложился в 1840—1870-х гг. в Западной Европе.

Критика государства и идеи создания общества без власти и государства появились едва ли не одновременно с возникновением первых государств. Следы этого можно найти у стоиков и киников античности, в учениях средневековой секты катаров и некоторых течений анабаптистов в период Реформации.

Зарождение современного анархизма связано со становлением капиталистического общества с его частной собственностью, рыночными отношениями, свободой экономической деятельности, но и с пролетаризацией всё большей части общества. Поэтому не случайно в более или менее развёрнутом виде анархистские идеи были изложены после Английской революции XVII в. Дж. Уинстэнли. Он писал в 1649 г., что власть развращает людей, собственность и свобода несовместимы и только в обществе без собственности и политической власти человек может быть вполне счастлив, действуя по велениям совести, а не внешнего закона. Уинстэнли попытался осуществить свои идеи на практике, возглавив в 1649 г. группу своих последователей, получивших прозвище диггеров. Он был уверен, что только в результате собственной деятельности люди могут положить конец несправедливому миропорядку и диггеры создали ненадолго коммунистическую общину на захваченных ими пустошах в Южной Англии. Идеи Уинстэнли были подхвачены некоторыми течениями английского протестантизма и позднее нашли своё наиболее яркое выражение в книге У. Годвина «Исследование о политической справедливости» (1793 г.), заложившей основы современной традиции анархизма.

У. Годвин сформулировал классическое положение анархизма о том, что власть противоречит человеческой природе, а общественное зло существует по причине того, что люди лишены возможности свободно действовать в соответствии с разумом. Он также предложил идею децентрализованного общества, основной ячейкой которого являются небольшие автономные общины, в которых нет даже демократических политических процедур, поскольку и правление большинства является формой тирании, а делегирование полномочий при представительном правлении приводит к отчуждению индивида. Годвин также отрицал собственность как источник власти, надеялся на то, что промышленное развитие и технический прогресс приведут к сокращению продолжительности рабочего времени до получаса в день, что облегчит переход к обществу без власти.

Большой вклад в развитие теории анархизма внёс немецкий философ М. Штирнер, разработавший индивидуалистический вариант анархизма. Он считал все социальные институты (государство, право, собственность) результатом отчуждения индивидуального сознания и утверждал, что в реальности не существует никаких необходимых связей индивидов в обществе, а потому индивид не должен признавать никакие социальные установления обязательными для себя. Идеальное состояние человека – это состояние свободы, не ограниченной никакими рамками.

Большое влияние на становление и развитие анархизма оказала анархическая концепция Прудона. Французский публицист и социолог П. Ж. Прудон изложил свою концепцию в работах «Что такое собственность?» (1840 г.), «Система экономических противоречий, или

философия нищеты» (1846 г.) и особенно «Федеративный принцип» (1863 г.). Прудон исходил из опыта Французской революции 1848 г. и разработал свою доктрину социализма, основными элементами которой были мютюэлизм, федерализм и тактика прямого действия. Мютюэлизм означал организацию общества на принципах равенства и взаимности. Прудон отвергал использование собственности для эксплуатации чужого труда (известно его выражение – «собственность есть кража»), но допускал «владение» – право рабочего или групп рабочих распоряжаться землёй и орудиями труда как главное основание свободы. Прудон предложил идею «положительной анархии», когда порядок возникает в результате того, что люди делают то, что они сами желают делать, и такая система самоуравновешивается, приходя к естественному порядку, где общественный строй создают деловые операции.

Прудон видел будущее идеальное общество состоящим из независимых крестьян и ремесленников, фабрики и заводы в нём находились бы в собственности рабочих ассоциаций, а весь общественный механизм объединялся бы системой взаимного кредита на основе народных банков, место централизованного государства заняла бы федерация автономных местных общин и промышленных ассоциаций, связанных договорными отношениями, место суда занял бы арбитраж, место бюрократии – рабочий контроль, академическое образование заменено общим образованием. Последователи Прудона именовали себя мютюэлистами по названию тайной рабочей организации в Лионе в 1830-х гг., в которую входил Прудон. В 1864 г. группы мютюэлистов вместе с английскими трейд-юнионистами и европейскими социалистами, создали в Лондоне «Международное товарищество рабочих» (Первый Интернационал). Уже в I Интернационале развернулась борьба между сторонниками Прудона и К. Маркса. Сторонники последнего признавали тактику политической борьбы, захвата государственной власти и создания диктатуры пролетариата на переходный период от капитализма к социализму.

Прудон был противником революций, он надеялся, что развитие науки и закона сформирует общественное и личное сознание, которых будет достаточно для поддержания порядка и сохранения всех свобод, и в таком случае уменьшится значение полиции, репрессивных методов, бюрократического аппарата, налогообложения и тогда сильную централизацию можно будет заменить федералистскими учреждениями и коммунами.

В анархизме с зарождения имелись различные течения, он всегда состоял и состоит из множества разных направлений, в том числе диаметрально противоположных друг другу, от крайнего индивидуализма до безгосударственного коммунизма, от отрицания любых видов принуждения и насилия до признания насилия необходимой частью повседневной борьбы за свои идеалы вплоть до идеи социальной революции как единственного способа достижения свободного общества и использования террора.

Но при всём разнообразии форм анархизма, имеются общие принципы, принятие которых позволяет относить их носителей именно к анархистам.

Это, прежде всего, полный отказ от общественного строя, основанного на политической власти. Из этого вытекает, что в анархистском обществе индивид, либо группа лиц не могут навязывать собственное мнение, желания и волю другим, в нём отсутствует иерархическая система и представительная демократия, равно как и другие формы правления. Анархизм направлен на максимальное развитие каждого индивида в отдельности и подходит к решению проблем и нужд отдельных людей индивидуально, если это возможно в конкретной ситуации.

Это представление об идеальном обществе, в котором нет какого-либо принуждения. Что означает отказ от навязывания идей и воли одних людей другим даже в интересах всего общества. Участие в общественной деятельности определяется личной заинтересованностью, проявлением личной ответственности перед обществом, а не внешним давлением.

Это свободное формирование и функционирование общественных ассоциаций, т.е. возможность существования любого вида ассоциаций с целью удовлетворения всех общественных потребностей, обладающих равными правами влиять на будущее общества. Эти ассоциации

могут создаваться только снизу и, в случае необходимости, они могут образовывать федерации или конфедерации только снизу вверх.

Это принцип взаимопомощи как синоним сотрудничества. Работа сообща эффективнее, чем по отдельности, а коллективное взаимодействие является сокращённым путём к достижению необходимого результата при наименьшей трате усилий.

Это принцип разнообразия. Анархисты полагают, что общественные организации, образованные самими членами общества, более эффективно удовлетворяют интересы людей и что когда человеческая жизнь основывается на разнообразии, взаимодействия людей более естественны и непосредственны. Кроме того, по мнению анархистов, разнообразие приводит к практической невозможности контроля отдельных людей.

Это принципы равенства и братства. Равенство означает отсутствие иерархической системы, предоставление всем одинаковых возможностей удовлетворения личных потребностей во всех сферах жизни. Братство подразумевает такое равенство всех, при котором невозможно доминирование интересов и потребностей одних людей над интересами и потребностями других.

Среди множества направлений анархизма выделим наиболее известные и значимые.

Анархо-индивидуализм, основателем которого считается Макс Штирнер.

Анархистский индивидуализм исходит из идеи о том, что индивидуальная совесть и преследование личного интереса не должны быть ограничены никаким коллективом или органом государственной власти. Он признаёт понятие частной собственности в отличие от социалистов, коллективистов, коммунистов, коммунитаристов.

Мютюэлизм. В основе мютюэлистского анархизма лежат принципы взаимопомощи, свободы ассоциаций, добровольного контракта, федерализма, право каждого рабочего получать справедливую плату за свою работу.

Социальный анархизм как антипод индивидуалистического анархизма.

Понятие социального анархизма включает в себя коммунитаристские формы анархизма, которые базируются на сотрудничестве, кооперации и взаимопомощи, отказе от частной собственности на средства производства и капиталистических отношений. К социальному анархизму относятся анархо-коллективизм, анархо-коммунизм, либертарный социализм, анархо-синдикализм, социальная экология и, отчасти, мютюэлизм.

Анархо-коммунизм основан на вере в возможность истинной свободной формы социальной организации только в условиях общества, состоящего из самоуправляющихся коммун и общин, в которых организовано коллективное использование средств производства, внутри которых действует принцип прямой демократии. Но некоторые анархо-коммунисты являются противниками прямой демократии, рассматривая её как потенциальную преграду свободе личности и проявление иерархического начала, власти и основы для воссоздания государственности. Согласно анархо-коммунистической концепции вся необходимая работа будет выполняться людьми добровольно с осознанием выгоды общественного владения предприятиями и взаимопомощи.

Анархо-синдикализм возник в начале XX в. Синдикалисты представляют рабочие профсоюзы как силу, осуществляющую радикальные социальные изменения в общественной жизни. Как и анархо-коммунисты, подавляющее большинство анархо-синдикалистов отрицает наёмный труд и частную собственность на средства производства, в которой они видят важнейшие причины разделения общества на собственников и наёмных работников.

Основными принципами анархо-синдикализма провозглашаются рабочая солидарность, прямое действие, самоуправление рабочих. Эти принципы допустимы и в других течениях анархизма, так что анархо-синдикалистами часто являются анархо-коммунисты или анархо-коллективисты.

Анархо-капитализм основывается на вере в свободное владение частной собственностью, отрицании любой формы правительственной власти или её вмешательства, поддержке конкурентоспособного свободного рынка как главного механизма социального взаимодействия. Впервые термин «анархо-капитализм» был использован Ротбардом в 1960-е гг. в США.³

---

³ См.: Теория анархизма. Её суть и основные направления. Социология и социальные явления // wiki.ru>Новости.../id-articles-472521.html; Синицина Е. Анархизм: мечта о свободном обществе // [cloudwatcher.ru> analytics/6/view/58/](http://cloudwatcher.ru>analytics/6/view/58/) и др.

2. Концепция анархистского общества Бакунина

М. А. Бакунин создал первую в России более или менее последовательную теорию анархизма – бунтарскую, которая оказала сильнейшее влияние на российское революционное движение 1860—1880-х гг.

Мы уже подробно анализировали анархистские взгляды Бакунина, его теорию возникновения государства и объяснения необходимости его полной и немедленной ликвидации, возможных последствий попыток осуществления бакунинских идей на практике.⁴ Поэтому здесь ограничимся общей характеристикой взглядов первого русского теоретика анархизма.

В молодости Бакунин увлекался философией, в основном немецкой, принял идею наличия всеобщего абсолютного знания. Бакунин верил, что с помощью Абсолюта, абсолютного знания, можно решить все глобальные задачи, стоящие перед человеком.

В анархистский период жизни Бакунин был материалистом (он сам называл себя сторонником «экономического материализма», понимаемого, правда, довольно упрощённо), атеистом, последователем идей Дарвина и Конта.

В начале своей революционной деятельности Бакунин признавал значение республики как формы государства, верил, что с помощью республики народ может провести социальную революцию и допускал возможность установления революционной диктатуры. Такие взгляды нашли отражение в его работах «Исповедь», «Народное дело. Романов, Пугачёв или Пестель?». В них Бакунин допускал возможность мирных преобразований с участием царя, управляющего вместе с Всенародным земским собором, иначе – революция во главе или с диктатором из крестьян (Пугачёв), или из дворян (Пестель).

Бакунин исходил из материалистической трактовки природы и общества, считал, что их развитие является результатом проявления стихийных сил и процессов, идущих под воздействием различных причин в каком-то определённом направлении. Это направление определяет не какая-то одиночная воля, человека или бога, а именно сумма разнообразных объективных причин и человек может только познавать, и то фрагментарно, эти причины и постепенно овладевать возможностью использовать знание закономерностей. Поэтому теоретик анархизма стремился доказать необходимость полной ликвидации власти и государства как абсолютного зла вследствие объективной закономерности. С этой целью он сначала рассматривал вопрос о происхождении самого человека, сознания и религии.

Бакунин отвергал религиозную доктрину творения и рассматривал человека как часть природы, как один из видов животных, который появился в результате множества исключительно материальных причин, взаимно связанных и взаимно обусловленных. Эта взаимосвязанность и взаимопричинность (солидарность по терминологии Бакунина) вытекает из одновременного действия всех частных причин как их производное и составляет «всемирную причинность». Эта «всемирная причинность» определяет развитие неживой и живой природы, а также человека с его обществом и историей.

Принципиальное отличие человека от животных Бакунин видел в наличии у него разума, способности к абстракции. Эта способность возвышает человека над окружающим внешним миром и даже над самим собой как индивидом и позволяет понять идею всеобщности Существ, идею Вселенной, бесконечного, или Абсолюта, – «идею вполне абстрактную и, если хотите, лишённую всякого содержания и тем не менее являющуюся всемогущей и служащей причиной всех дальнейших завоеваний человека, ибо она одна отрывает человека от пресловутого

---

⁴ Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. – Новосибирск, 2008.

блаженства и тупоумной невинности животного рая и ведёт его к триумфам и бесконечным волнениям беспредельного развития»⁵.

Способность к абстракции лежит в основе анализа и экспериментальной науки, возможности познавать себя, свои собственные побуждения и инстинкты и тем самым возвышаться над ними. По мнению Бакунина, это пробуждает сознание и волю, которые зависят от внешних влияний, так как человек включён во всемирную причинность. А эта всемирная причинность, она же «всемирная солидарность» или просто природа, создаёт в результате непрерывных действий всё многообразие миров и сама является продуктом. Она же создала нашу землю «со всей лестницей существ от минерала до человека». Эта всемирная причинность «постоянно воспроизводит их, развивает, кормит, сохраняет; потом, когда наступает их срок, и часто даже раньше, чем он наступил, она их уничтожает, или, лучше сказать, преобразует в новые существа. Итак, она – это всемогущество, по отношению к которому не может быть никакой независимости или автономии»⁶.

Всемирная причинность, всемогущество природы лежат, по Бакунину, в основе всякой религии. Религия порождается чувством абсолютной зависимости всех живых существ от всемогущей природы. Человек отличается от животных наличием идеальной стороны – мысли. Как существо живое и мыслящее человек для своего полного осуществления должен вначале познать самого себя, а это процесс длительный и в этом причина медленного развития человечества.

Бакунин считал, что высшей целью развития человека является свобода, которая находится не в начале истории, а постепенно достигается человеком в процессе познания законов внешнего мира и собственной природы. Человек перерабатывал эти законы в идеи, «почти произвольное создание нашего собственного мозга» и *«не переставая подчиняться этим законам, человек подчинялся теперь лишь собственным мыслям»*. Теоретик анархизма полагал, что «по отношению природы, это является для человека единственным достоинством и единственно возможной свободой». Познавая законы природы, «человек сам возвышается над непосредственным давлением внешнего мира, и, становясь в свою очередь творцом, повинаясь с этих пор лишь собственным идеям, он более или менее перерабатывает этот мир сообразно своим возрастающим потребностям и налагает на него как бы отражение своей человечности»⁷.

И человек является творцом своего человеческого мира, который он создаёт за счёт внешнего мира и «своей собственной животности» и сутью человеческого мира является, по мнению анархиста, свобода и человеческое достоинство. Человеком движет всемирная причинность, присущая всем живым существам, и заключающаяся в стремлении удовлетворить свои потребности. Это стремление к удовлетворению своих потребностей составляет у Бакунина «существенное и главное проявление жизни» и лежит в основе *воли*.

Свободная воля, фатальная и непреодолимая, присуща всему живому, от низших организмов до человека. Но она достигает полного самосознания только в человеке благодаря наличию у него разума. Разум возвышает человек над его инстинктами, позволяет осознавать и упорядочивать свои побуждения и поэтому только человек обладает «сознательным самоопределением, *свободной волей*».

Эта свободная воля противостоит не абсолютной причинности, а её механическому действию и инстинкту, человек не может освободиться от естественных влечений, но может регулировать их и согласовывать с представлениями о справедливом и прекрасном. Именно разум, мышление, познание позволяют человеку создать цивилизацию с её промышленностью, наукой, искусством, т.е. всемирную историю. Человек также создаёт эту всемирную историю

---

⁵ Бакунин М. А. Анархия и Порядок: Сочинения. – М., 2000. С. 200—201.

⁶ Там же. С. 201—202.

⁷ Там же. С. 207—208.

благодаря инстинктивной и фатальной «действенной силе», которая человеческим разумом и сознательной волей «перерабатывается в человеке и для человека в *сознательный свободный труд*».⁸

В бакунинских представлениях о всемирной причинности, всевластии законов природы отразились материалистические взгляды на природу и причины её развития, а также теория естественного отбора Дарвина в довольно упрощённом виде. При этом у Бакунина не развивается всё живое, а природа «развивает», «сохраняет» и т. д. И природа оказывается чем-то высшим, внешним по отношению к предметам природы, а человек оказывается «творцом», хотя бы и ограниченным пределами своего разума. Эти идеи есть отражение поисков Бакуниным Абсолюта, вечной и неизменной истины. Но это открывало возможность признать за наиболее развитыми личностями, лучше других познавшими законы природы и общества, право учить других, вести их за собой к обществу, устроенному на основе познанных законов. Для Бакунина – на основе принципов анархии.

Марксистский философ В. Ф. Пустарнаков понимал это так: для Бакунина бунт против всего мироздания, против природы с большой буквы невозможен, но против «природы, непосредственно окружающей человека, возможен „бунт“ мыслящего и активного человека, опирающегося на свой труд и на науки»,⁹ т.е. он имел в виду не абсолютную свободу и абсолютную волю, а относительные, в рамках познанных законов окружающего мира.

Человек осознаёт свою свободу только благодаря способности мыслить, считал Бакунин, а реализует эту свободу благодаря *труду*. Деятельность всех живых существ по преобразованию природы в соответствии с их потребностями становится человеческим трудом только благодаря разуму и сознательной воле. И этот труд начинает служить потребностям мыслящего существа, развивающего свою человеческую сущность и утверждающего свою свободу.

Для Бакунина человек становится человеком только при условии, что он в какой-то степени вырвался из рабских цепей природы. Цепи природы – это условия жизни, когда человек как живое существо подвергается тысячам опасностей. Вырваться из этих цепей, преодолеть хотя бы в некоторой степени эти опасности человек может только благодаря абстрактному мышлению и человеческому труду. Но развитие мышления идёт медленно, сначала возникает «вообразительное» (образное) мышление, которое освобождает человека от естественного рабства природы «ценой немедленного подчинения его новому рабству – рабству религии». Именно образное мышление порождает фетишизм.¹⁰

Бакунин представлял природу как великолепно организованный мир, но устроенный не Богом, а естественным развитием, т.е. всемирной причинностью. Но, чтобы познать этот организованный мир, необходимо познать все причины, влияния, действия и противодействия, не упуская ни одной причины, даже самой слабой и отдалённой. Но так как это невозможно, то на этом основывается власть религии.¹¹

Развитие человеческого мышления, сознания и познания мира происходит через становление и смену религиозных представлений – от фетишизма и культа колдунов к пантеизму и собственно религии, в которой возникает представление о духовном всемирном невидимом Боге. Бакунин делал вывод: «Бог – это абсолютная абстракция, это собственный продукт человеческой мысли, которая, как сила абстракции, поднялась над всеми известными существами, всеми существующими мирами, и освободившись тем самым от всякого реального содержания, сделавшись уже не чем иным, как абсолютным миром, не узнавая себя в этой

---

⁸ Там же. С. 208—210.

⁹ Пустарнаков В. Ф. М.А.Бакунин как философ // Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. С. 42—43.

¹⁰ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 210—212.

¹¹ Там же. С. 190—191.

величественной обнаженности, становится перед самой собой – как *единственное и высшее Существо*»¹².

Развитие мышления, познания, успехи науки постепенно приводят человека к пониманию реального единства природы как *«вечной и всемирной видоизменяемости в безграничном движении без начала и без конца»*. А это, замечал Бакунин, есть «абсолютная противоположность всякому учению о Провидении – отрицание Бога».

Но это дело медленное и трудное, а пока человек превратил собственную абстракцию в Бога и начал её обожествлять. В результате, писал Бакунин, «сотворённый стал предполагаемым творцом, а настоящий творец, человек, занял место между множеством других несчастных тварей в качестве бедной твари, еле-еле привилегированной по сравнению с ними».

Бакунин признавал историческую необходимость религии и считал её злом неизбежным, но не абсолютным.

С религией Бакунин связывал возникновение государства, так как, считал он, одним из главных атрибутов богов является законодательство и основание государства для общества. Это доказывалось им тем, что почти все религии говорят о неспособности человека распознать добро и зло, справедливость и несправедливость и поэтому необходимо было божество для просвещения человека и основания в человеческом обществе политического и социального порядка. Поэтому все законы и власти освящены небом и им необходимо всегда и слепо подчиняться.

Но раз Бог лишь продукт человеческой абстракции, соединённый с религиозным чувством, доставшимся человеку от животных, то он ничто и становится всем только благодаря религиозному легковерию. Поэтому идеи справедливости и добра, которые человек приписывает богу, он имел и раньше, в самом себе, следовательно, они есть проявления его животной природы. Бакунин видел элементы морали уже у животных в виде двух противоположных инстинктов: сохранения индивида и сохранения породы, или по-другому, эгоистического и социального инстинктов. Соотношение этих инстинктов у разных видов разное. Человек же отличается тем, что эти противоположные инстинкты, «эгоизм и общественность», гораздо сильнее и больше взаимосвязаны, чем у животных. Бакунин утверждал, что «человек – это самое индивидуальное из всех земных существ, но он является и самым *социальным* из всех существ».¹³

Бакунин отвергал теорию общественного договора Руссо и других мыслителей. Для него свобода не в прошлом, а в будущем, что естественно вытекало из его концепции постепенного развития человеческого общества и сознания. Если человек обладал свободой в первобытном состоянии, то зачем ему её терять. Ради безопасности? Но тогда общественный договор основа не общества, а государства, полагал Бакунин.

Бакунин разделял и даже противопоставлял понятия государства и общества вплоть до взаимоисключения. По его мнению, общество и государство находятся в неизбежной борьбе, в неразрешимом конфликте, в котором победа если и может быть, то только тотально, абсолютно в пользу одной из сторон.

Бакунин выводил общество, как и всё человеческое, в том числе самого человека, из природы и всеобщей взаимной причинности. При этом он проводил чёткое различие законов природы и общества (как природного образования) и законов государства (как порождения религии): «Государство не является непосредственным продуктом природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению мысли в человеке», а *«религиозное сознание создаёт его в естественном обществе»*. Для Бакунина не принципиально, что породило государство, сво-

---

¹² Там же. С. 218.

¹³ Там же. С. 221—230.

бодная и сознательная воля людей, как у либеральных публицистов, или Бог: «В обоих случаях оно главенствует над обществом и стремится его совершенно поглотить»¹⁴.

Бакунин ставил своей целью доказать, что государство является абсолютным злом, что оно есть главное препятствие на пути к обществу свободы, которое возникнет в результате познания человеком законов физического и духовного мира. При этом он тщательно обходился вопросом о том, по каким естественным, ибо всё в мире взаимосвязано, законам появляется государство не будучи «естественным продуктом природы». Но в таком случае вся анархическая теория Бакунина, все его обоснования свободы, справедливости, равенства оказываются бездоказательными, так как они являются следствием понимания Бакуниным государства не как части общества, образующейся неизбежно на определённом этапе общественного развития в силу законов его развития, а как абсолютного зла, порождённого злой волей религиозных жрецов. Ссылки на злую волю богатых, привилегированных, эксплуататорских классов безосновательны, так как не показаны естественные законы их собственного образования.

Для теоретика анархизма всё просто: «Божественное учреждение необходимо должно пожрать всякую естественную организацию»¹⁵. Но в тоже время религия для Бакунина есть порождение ещё неразвитого человеческого сознания и тем самым получается, что человек сам уничтожает свою естественную организацию – общество. Как и почему это происходит Бакунин не объясняет.

Бакунин отвергал не только теорию религиозного происхождения общества и государства, но также индивидуалистическую, довольно популярную в его время. Он исходил из того, что из этой теории вытекает, что до заключения договора между абсолютно свободными индивидами не было естественного общества, так как такое общество должно ограничивать свободы индивидов и, следовательно, был какой-то договор до заключения свободного договора. Значит, человеческое общество начинается с заключения договора, а «логическое осуществление договора со всеми его предначертаниями и законодательствами и практическими следствиями – это Государство».

С точки зрения Бакунина такое общество-государство представляет собой «сумму отрицаний индивидуальных свобод всех его членов; или же сумму жертв, приносимых всеми его членами, отказывающимися от доли своих свобод в пользу общего блага». Но раз согласно индивидуалистической теории «свобода каждого составляет границу или естественное отрицание свободы всех других», то «это абсолютное ограничение, это отрицание свободы каждого во имя свободы всех или общего права – это и есть Государство». И он заключал: «Стало быть, там, где начинается Государство, кончается индивидуальная свобода и наоборот».

Представление о том, что государство отнимает у индивида часть свободы в обмен на безопасность, Бакунин отвергал на том основании, что «свобода неделима: нельзя урезать часть её, не убивая целого. Та малая часть, которую вы урезываете, составляет самую сущность моей свободы, она всё», потому что «в силу естественного, необходимого и непреодолимого влечения, вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы урезываете, сколь бы ни была мала эта часть».¹⁶

Но общество появилось одновременно с человеком – человек существо общественное, не может быть человеческого индивида вне общества. Дитя человека рождается на свет только потенциально человеком – в нём заложена генетическая предрасположенность к овладению речью, мышлением, сознанием и другими чисто человеческими качествами и требуется длительный период социализации ребёнка, чтобы он стал действительно человеком. И человеческое общество всегда иерархично, структурировано, каждый индивид занимает своё опре-

---

¹⁴ Там же. С. 232.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Там же. С. 233—234.

делённое место, имеет права и обязанности, что является неотъемлемым атрибутом живой природы вообще. Абсолютной, ничем не ограниченной свободы не было нигде и никогда и не будет никогда. И самые сильные, обладающие лидерскими качествами, индивиды, способные обеспечить своему коллективу выживание и развитие всегда имели и будут иметь в своём распоряжении больше духовных и материальных благ, больше ресурсов, без этого невозможно развитие как конкретного общества, так и человечества в целом. А государство – лишь часть общества, возникающее на некотором этапе развития общества для снижения конфликтности, усиливающейся по мере роста численности населения.

Для Бакунина же любое государство, даже самое демократическое со всеобщим избирательным правом граждан, является отрицанием свобод и такое государство может ещё более деспотичным, чем монархия.

Бакунин сводил проблему роли государства в обществе к проблеме добра и зла, стремился опровергнуть тезис, приписываемый им самим своим оппонентам, о том, что государство ограничивает свободу граждан, если эта свобода порождает несправедливость и зло, препятствует им убивать и грабить друг друга, но предоставляет гражданам полную свободу творить добро. Он пускался в длинные рассуждения об абстрактных понятиях добра и зла, которые к проблеме государства отношения не имеют.¹⁷

Теорию общественного договора Бакунин понимал как образование «частных и ограниченных ассоциаций», т.е. государств, а не как возникновение общества вообще. Эти частные, замкнутые ассоциации-государства, по мнению Бакунина, угрожали существованию и свободе членов других ассоциаций и самих этих ассоциаций. Таким образом, человечество разделилось на множество чуждых, враждебных и угрожающих друг другу государств, между которыми не было общественного договора и общего права. Даже если бы эти государства объединились и стали частями одного великого государства, то такому государству противостояли бы другие великие государства, если бы только такое великое государство не объединило бы всё человечество. Без этого война останется «верховным законом и внутренней необходимостью в жизни человечества».

Бакунин делал, в конце концов, окончательный и безоговорочный вывод: *«Государство – это самое вопиющее, самое циничское и самое полное отрицание человечества»*. Оно разрывает всемирную солидарность всех людей на земле и соединяет часть их лишь с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. Оно берёт под своё покровительство лишь своих собственных граждан, признаёт человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ; не признавая вне себя самого никакого права, оно логически присваивает себе право самой свирепой бесчеловечности по отношению ко всем чужим народностям, которых оно может по своему произволу громить, уничтожать или поработать. Если оно и выказывает по отношению к ним великодушие и человечность, то никак не из чувства долга; ибо оно имеет обязанности, во-первых, лишь по отношению к самому себе; во-вторых, к тем из своих членов, которые его свободно основали, которые продолжают его свободно составлять или же, как это всегда в конце концов случается, сделались его подданными. Так как международное право не существует, *так как оно никак не может существовать серьёзным и действительным образом, не подрывая в самом основании принцип абсолютной верховности Государств*, то Государство не может иметь никаких обязанностей по отношению к чужим народностям. Если оно, стало быть, гуманно обращается с покорённым народом, если оно лишь наполовину его обирает и уничтожает, если оно не низводит его до последней степени рабства, то оно поступает так из политики, может быть, из осторожности или по чистому вели-

¹⁷ См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. С. 62—69.

кодушию, но никогда не по долгу, – ибо оно имеет абсолютное право располагать покорёнными народами по своему произволу».¹⁸

Естественно, что после таких определений государства можно объявлять патриотизм отрицанием человечности, политический мир называть ареной «высшего мошенничества и несравненного разбоя», так как они предписаны патриотизмом, высшей моралью и верховным интересом государства, говорить об истории государств как цепи «возмутительных преступлений».¹⁹

Все эти определения государства и его функций не имеют отношения к настоящим причинам войн, сущности патриотизма, закономерностям политического развития, функционированию государства и т. д. Но зато позволяют Бакунину обосновать свои анархические концепции. Государство для него сводится к господству богатых над бедными, к эксплуатации большинства меньшинством, поэтому закономерен его вывод: «И так как теперь уже доказано, что никакое Государство не может существовать, не совершая преступлений или, по крайней мере, не мечтая о них, не обдумывая их исполнение, если оно по бессилию и не может выполнять их на деле, – то мы заключаем, *что безусловно необходимо уничтожение Государств* или, если хотите, их полное и коренное переустройство, в том смысле, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху вниз державами, основанными на насилии или авторитете какого-нибудь принципа, и реорганизовались бы снизу вверх, с абсолютной свободой для всех частей, входить в союз или нет, и с сохранением для каждой части свободы всегда выйти из этого союза, даже если бы она вошла в него по доброй воле; реорганизовались бы согласно действительным интересам и естественным стремлениям всех частей через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, областей, провинций и наций в единое человечество»²⁰

Бакунин не видел насущной потребности в регулировании жизни человеческих сообществ, не понимал, что без этого они не могли и не могут существовать и возникновение власти и государства поэтому сводил к захвату, принуждению.

Характерным приёмом для него было конструирование им самим возможной точки зрения оппонента или жизненной ситуации и опровержение с помощью логических аргументов. Таким образом, он «легко» разбивал аргументы в пользу необходимости даже самого демократического государства. Если все люди достаточно образованы, нравственны, сознательны, чтобы выбрать в управляющие достойных людей, то управление, государство, по мнению Бакунина, просто не нужны, так как такие достойные люди могут решать свои дела через самоуправление. Если же индивиды неспособны к самоуправлению из-за своей темноты, неразвитости, то управление, то власть просто захватят безнравственные демагоги и проходимцы, которые используют своё положение к своей выгоде.

Но даже если народ, достаточно мудрый, чтобы признать свою собственную неспособность управлять, имеет ещё «необходимую прозорливость, чтобы вверять управление общественными делами лишь самым лучшим гражданам», государство всё равно порождает «главенство и эксплуатацию». Ведь в таком случае, с точки зрения Бакунина, эти лучшие образуют сначала отдельную группу, «привилегированную лишь природой, и вследствие этого отличенную народным избранием». Одарённых людей всегда мало и поэтому таких одарённых выдающимися качествами людей немного, так что народ будет всегда выбирать правителей из этого незначительного числа... Вначале эти избранные не отличаются от массы ничем, кроме тех качеств, из-за которых их избрали, и являются «самыми полезными и самоотверженными». Они не присваивают себе никаких привилегий, никакого особенного права, за исклю-

---

¹⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 237—238.

¹⁹ Там же. С. 239—241.

²⁰ Там же. С. 241—242.

чением права (обязанности) исполнять возложенные на них народом специальные обязанности. В образе же своей жизни, в условиях и средствах своего существования они ничем не отличаются от народа и продолжает царить совершенное равенство.

Но это не может продолжаться долго, заявлял Бакунин, и постулировал категорично: «нет ничего более опасного для личной нравственности, как привычка повелевать» и продолжал без тени сомнения: «Самый лучший, самый просвещённый, бескорыстный, великодушный, чистый человек неизбежно испортится при этих условиях. Власти присущи два чувства, которые обязательно производят эту деморализацию: *презрение к народным массам и преувеличение своего собственного достоинства*».

Бакунин исходил из представления о том, что массы выбирают вождя из-за осознания своей неспособности к самоуправлению. И этому избранному вождю теоретик анархизма приписывал такие мысли: массы «открыто признали моё *превосходство* и своё *сравнительное ничтожество*», «я один способен управлять общественными делами», «народ во мне нуждается, он не может обойтись без моих услуг», «народ должен повиноваться мне для собственного своего блага, и, снисходя до управления им, я создаю его счастье».²¹

Но на догосударственной стадии человеческого общества не производилось никаких выборов, старейшинами, жрецами, вождями становились в результате острой и непрекращающейся борьбы за более высокое место в групповой иерархии. Иерархическая структура существует у всех стадных животных (в какой-то мере и не только у них – борьба за территорию с лучшими условиями у хищников-одиночек, например, также может рассматриваться как борьба за более высокое место в конкретной экосистеме среди особей своего вида). Существовала она изначально и в человеческих сообществах. Место вождя, вообще более высокое положение в иерархии, давало не только преимущества (в питании, обладании женщинами и пр.), но и накладывало серьёзные обязательства по защите сообщества от диких зверей, других людей, добывании продовольствия и т. д.

То же самое можно сказать о государственной стадии истории человечества. На этой стадии управление (как и военное дело) становится видом специализированной профессиональной деятельности. От степени профессионализма управляющей элиты зависит успешность развития конкретного общества, а часто и само его существование. Но никак не счастье, которое является чувством строго индивидуальным и зависящим от предпочтений и ощущений конкретного индивида, а не деятельности вождя, монарха или президента.²²

Конечно же, отношения господства и подчинения, эгоизм, властолюбие и другие отрицательные явления присущи любому государству, являются его важнейшими составляющими, впрочем, как и общества в целом, но сущность государства не сводится к ним. Снижение конфликтности в обществе, выработка и поддержание общих и обязательных правил поведения (законов), поддержание порядка в обществе, борьба с преступностью, преодоление чрезвычайных ситуаций, иногда деятельность по организации общих работ (ирригационных сооружений, например), защита от внешних врагов – в этом заключаются основные функции государства. Формы государственного устройства, способы образования и функционирования органов власти, деловые и личные качества правящей элиты – это характеристики государства как части общества, они не имеют отношения к его возникновению и роли в обществе.

Неразличение Бакуниным причин и следствий, роли государства в обществе, необходимости и выгоды существования государства для **всех** индивидов без различия степени богатства и положения в государственной и общественной иерархии приводят его к чисто анархическому выводу о вредности государства вообще и необходимости его немедленного разрушения.

²¹ Там же. С. 256.

²² См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. С. 75—87, 265—278.

Бакунин отрицательно относился ко всем государствам, какую бы формам они не имели – монархическую или республиканскую, потому что все они были построены на принципах политической централизации и всемогущества государства. А это неизбежно ведёт к отрицанию ими свободы внутри в открытой и скрытой форме, что порождает, полагал он, неизбежные войны между государствами. Это отрицание свободы внутри существующих государств вытекает из того, что «основанное существенным образом на предшествующем акте насилия, завоевания или того, что называется в частной жизни воровством со взломом, – акте, благословленном церковью какой бы то ни было религии, освященном временем и в силу этого обратившемся в историческое право, – и опираясь на это божеское освящение торжествующего насилия, как на исключительное высшее право, всякое централизованное государство тем самым полагает себя как абсолютное отрицание прав всех других государств, не признавая их в заключённых с ними договорах, иначе как в видах политического интереса или по бессилию»²³.

Бакунин выступал за признание «абсолютного права на полную автономию за всякой нацией, большой или малой, за всяким народом, слабым или сильным, за всякой провинцией, за всякой коммуной, при условии, чтобы внутреннее устройство одной из перечисленных единиц не являлось угрозой и опасностью для автономии и свободы соседних земель», самое важное право для него – это «право свободного соединения, равно как и свободного разрыва».

Для анархиста человечество «непреодолимо» стремится к единству, но оно «становится разрушителем просвещения, достоинства и процветания личностей и народов всякий раз, когда стремится образоваться помимо свободы, посредством насилия или посредством авторитета какой-либо теологической, метафизической, политической или даже экономической идеи. Патриотизм, стремящийся к единству помимо свободы, является дурным патриотизмом». Бакунин признавал лишь единство, основанное на принципе федерации автономных частей в одно целое и призывал «нападать на всякую религиозную, политическую, экономическую и социальную организацию, которая не будет всецело проникнута этим великим принципом свободы: без него нет ни просвещения, ни справедливости, ни благоденствия, ни человечности».²⁴

Со временем Бакунин пришёл к убеждению в необходимости полной ликвидации государства и власти как порождённых исключительно насильственным путём и служащих интересам господствующих привилегированных эксплуататорских классов.

Общество Бакунин делил на две диаметрально противоположных и естественным образом враждебных части: на политические классы, состоящие из привилегированных землевладельцев, капиталистов и просто обладателей буржуазного образования, и на рабочие классы, лишённые земли, капитала, всякого образования и обучения.

Бакунин не видел возможности преодолеть бездну, разделяющую эти классы с помощью народного образования и воспитания, не думал, что экономическое положение рабочих будет улучшаться с прогрессом промышленности и торговли. Решение проблемы у него чисто анархистское и социалистическое, близкое к идеям Прудона: улучшить условия труда, отдать «труду всё, что по справедливости принадлежит труду» и тем самым дать «народу обеспечение приобретать знания, благоденствие, досуг, и тогда... он создаст цивилизацию, более широкую, здоровую, возвышенную, чем наша».

Теоретик анархизма утверждал, что современное общество, как и в античности, основано на «принудительном труде меньшинства и относительном варварстве громадного большинства», что среди привилегированных классов растёт уважение к труду, так как усиливается понимание необходимости трудиться, чтобы быть на уровне современной цивилизации и быть

²³ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 150—151.

²⁴ Там же. С. 151—154.

в состоянии пользоваться её привилегиями и сохранять их. Но он констатировал, что труд привилегированных членов общества гораздо лучше оплачивается, что он оставляет им «*досуг*, необходимое условие умственного и морального развития» и это труд почти исключительно умственный, а представителям мускульного труда «достаётся безысходная нужда, отсутствие даже семейных радостей».²⁵

Но при этом Бакунин полагал, что в «относительном варварстве громадного большинства» имеются свои плюсы, так как бедные «сохранили свежесть ума и сердца». Он почему-то верил (не объясняя причин), что «мускульный» труд нравственно оздоравливает бедных; что они сохранили чувство справедливости, которое выше законов; здравый смысл, «не испорченный софизмами доктринёрской науки и обманами политики»; бедные сочувствуют всякому несчастью и «так как они ещё не злоупотребили жизнью и даже не использовали её, они верят в жизнь».

Религиозный туман, который скрывал истинные отношения между привилегированным меньшинством и эксплуатируемым большинством начинает развеиваться, французская революция провозгласила равенство всех людей, свободу и человечность. И народные массы в Европе начинают пробуждаться, задумываться о своих правах на равенство, свободу и человечность.

Первым условием свободы человека, превращения его в человека Бакунин считал освобождение его «от забот материальной жизни», а вторым условием – досуг после работы. Но достичь материального благополучия и досуга народ может только через коренное преобразование современного общества путём социалистической революции.²⁶

Для обеспечения материального благополучия и досуга, нужных для самосовершенствования большинства индивидов, необходимо радикальное повышение производительности труда. О том, как этого добиться, почему люди будут продолжать трудиться, если им будет обеспечен достаток и досуг, Бакунин не писал ничего. Очевидно, что для него достаточно было отдать «труду всё, что по справедливости принадлежит труду», чтобы решить все проблемы. О роли «привилегированного меньшинства» в управлении обществом, в поддержании порядка, в организации производства, о значении законов и юристов Бакунин даже не подозревал.

Придя к выводу, что современное ему государство должно быть уничтожено вместе с породившей его цивилизацией, Бакунин вынужден был поставить вопрос о том, чем их заменить. Его ответы были противоречивыми. С одной стороны, теоретик анархизма считал, что выросшие в «мерзости современной цивилизации» люди неспособны даже представить себе устройство будущего общества, основанного на началах свободы и справедливости, что даже рассуждения об этом будущем преступны, потому что «мешают чистому разрушению».²⁷ С другой стороны, Бакунин в разных работах изложил своё видение будущего анархического общества равенства, свободы и справедливости.

В своих представлениях об анархическом обществе Бакунин больше всего близок к Прудону, в социализме которого его привлекали идеи индивидуальной и коллективной свободы, свободных ассоциаций, деятельность которых подчинена только законам социальной экономики, отсутствие какой-либо правительственной регламентации и покровительства со стороны государства, подчинение политики экономическим, интеллектуальным и моральным интересам общества.²⁸

---

²⁵ Там же. С. 155—161.

²⁶ Там же. С. 162—163.

²⁷ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 220—221.

²⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 165—166.

Для Бакунина было характерно сочетание справедливости и «открытого человеческого эгоизма», социалист для него – это человек, который «живёт откровенно и без фраз для самого себя и знает, что, делая это *согласно со справедливостью*, он служит всему обществу, а служа обществу, служит самому себе».²⁹

Под справедливостью социализма Бакунин понимал прежде всего *уравнение*.³⁰ Всемирная справедливость-уравнение должна обеспечивать каждому индивиду почти равные возможности для развития способностей и их применения, создать общество, в котором была бы невозможна эксплуатация чужого труда, но существовала бы возможность доступа к социальным благам для всех, кто непосредственно участвует в их производстве.³¹

Для достижения всемирной справедливости-уравнения Бакунин предлагал заменить труд, основанный на эксплуатации, «интеллигентным и свободным» трудом, который будет по необходимости «ассоциированным» трудом. При ассоциированном труде каждый индивид по свободному выбору будет объединяться с другими в совместной работе, которая многократно увеличивает производительность труда каждого отдельного человека, и каждый член производительного объединения заработает гораздо больше с меньшей затратой времени и труда. Когда эти «свободные производительные объединения», по мысли анархиста, «в **очередь** (выделено авт. – В.Б.) станут хозяевами и владельцами необходимого капитала», когда в их состав, наряду с рабочими силами, «освобождёнными благодаря всеобщему образованию», войдут «все специальные силы интеллекта» (видимо, специалисты в соответствующей области – В.Б.), когда они свободно (всегда свободно) объединятся между собой в соответствии со своими потребностями и наиболее подходящим образом, переступив национальные границы, образуют «экономическую федерацию», «когда стоящий во главе её парламент, располагая столь же всеобъемлющим, как и подробным, и точным статистическим материалом, какой в наши дни не может существовать, комбинируя спрос и предложение, будет направлять, устанавливать и распределять между отдельными странами производство мировой промышленности, так чтобы уже не было или почти не было ни торговых, ни промышленных кризисов, вынужденной остановки производства, катастроф и нужды и потери капитала, – тогда человеческий труд, источник свободы всех и каждого, возродит мир к новой жизни»³². Выполнение этой задачи растянется на столетие, но это надо сделать.³³

То, что Бакунин не понимал всей сложности и важности управленческой функции в обществе и государстве, что предлагаемые им меры приведут к замене частной собственности государственной собственностью, к замене управления капиталистами управлением государственными чиновниками и к неизбежному и беспредельному разрастанию государственного аппарата, к всеобщей регламентации, тотальному контролю над индивидами со стороны государства, к подавлению личности и свободы (без этого невозможно централизованное управление экономикой, проектируемое Бакуниным, даже сбор подробного и точного статистического материала), не удивительно. Этого не понимали Маркс и Энгельс в XIX в., Ленин в начале XX в., до прихода к власти. Удивительно то, что и в начале XXI в. находятся люди, повторяющие ошибки Бакунина, верящие в возможность разрушения государства, ликвидации частной собственности и достижения неограниченной свободы. Или верящие в возможность создания государства, полностью подконтрольного трудящимся массам, действующего исключительно в интересах общества и индивидов, с госаппаратом, состоящим из чиновников, абсолютно

²⁹ Там же. С. 168.

³⁰ Там же. С. 174—175.

³¹ Там же. С. 175—176.

³² Там же. С. 298.

³³ Там же. С. 176.

лишённых корысти, готовых напряжённо трудиться за заработную плату на уровне средней оплаты в обществе.

Одной из важнейших мер для достижения справедливости-уравнения Бакунин считал отмену права наследования, которое он почему-то считал порождением государства и одним из основных условий существования «принудительного и божественно установленного государства». Право наследования порождает, по его мнению, наследственное искусственное экономическое неравенство классов, которое, в свою очередь, порождает наследственное неравенство в развитии и образовании индивидов и «будет продолжать быть источником и освящением всех политических и социальных неравенств». Поэтому для достижения абсолютной справедливости-уравнения необходимо введение равенства с самого рождения человека, чтобы все оказывались в равных исходных условиях и различались бы только природными качествами, а всё нажитое человеком должно передаваться в общественный фонд для образования, обучения и содержания всех детей от рождения до совершеннолетия.³⁴

Право наследования для Бакунина было неразрывно связано с существованием семьи и по этой причине анархист требовал ликвидации самого института семьи.

Связь возникновения и развития семьи с правом наследования была определена Бакуниным совершенно верно, но требовать их безусловного разрушения было уже ошибкой. Ведь именно семья постепенно стала основной ячейкой общества, в семье происходит первичная (и основная) социализация человека. Без общения, без обучения, без человеческого окружения невозможно превращение ребёнка (потенциального человека) в члена общества и наилучшим образом социализация ребёнка проходит именно в семье. Семья также на протяжении тысячелетий способствовала накоплению, сохранению и передаче от поколения к поколению знаний, навыков, материальных средств для обеспечения жизни и заменить её в этой функции практически невозможно. Поэтому не только уничтожение семьи как ячейки общества, но даже её ослабление наносит обществу огромный ущерб.

Бакунин признавал природное разнообразие индивидов, заявлял, что равенство не означает интеллектуального, морального и физического тождества людей, что разнообразие людей является богатством человечества, что экономическое и социальное равенство не означает равенства личных состояний, поскольку они являются результатом деятельности отдельных лиц. Но при этом требовал, чтобы при рождении каждый человек имел одинаковые материальные и социальные средства для развития в детстве и юношестве, т.е. те, которые зависят от общества, а не от природы. Таким образом, теоретик анархизма считал необходимым установления равенства в исходной точке, что невозможно при праве наследования.³⁵

Но такое равенство в «исходной точке» неизбежно привело бы к замедлению развития общества, к снижению стимулов к более напряжённой деятельности, к производству и накоплению материальных и духовных ценностей, знаний и умений.

Бакунин был приверженцем коллективных ценностей и идеалов, категорически осуждал стремление к личной выгоде. Подчинение своей деятельности личной выгоде он считал главным недостатком буржуазии, причиной её разложения и коррупции, т.е. полного безразличия к «общественной пользе и солидарности». При этом в своём осуждении заботы о личной выгоде и восхвалении общественных интересов анархист доходил до абсурда.

Какой-либо класс или сообщество людей (церковь, религиозный орден, аристократия, буржуазия, бюрократия, армия, полиция, банды разбойников), по мнению Бакунина, могут быть глубоко аморальны из-за своих привилегий, своих целей и пр., но при этом не коррумпированы, «пока не распадутся под нажимом частных интересов их членов». И чем больше

³⁴ Там же. С. 176—177. См. также С. 291—292, 299, 313, 315, 348; Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 202.

³⁵ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 290—291.

интересы класса противостоят общественным интересам, тем более облегчается коррупция его членам, «что обусловлено аморальностью принципа, лежащего в основе его существования: если только эта безнравственность не прикрывается в их глазах каким-либо вымышленным идеалом, например, патриотическим или религиозным», как это произошло с церковью и аристократией, которые поэтому были так могущественны в прошлом. По этой же причине легко разлагается, коррумпируется буржуазия в случае прихода к власти, так как она слишком реалистична по своей сущности, чтобы «искать опоры в великих идеалах патриотизма и религии». А «сомнительными и спорными идеалами метафизики и юридического права» буржуазии «никогда не удаётся скрыть, даже от самой себя, свою низкую сущность».³⁶

В результате у Бакунина получается, что эксплуатация и грабёж народа вполне допустимы, не являются разложением и упадком, если прикрываются идеалами, хотя бы и ложными. А при сохранении внутри групп коллективной солидарности и занятие грабежом из-за бедности вполне может считаться достаточно моральными. Бакунин откровенно писал: «Итак, до тех пор, пока индивид сохраняет верность и страстную преданность общим и более или менее идеализированным интересам какого-либо коллектива, как бы ни были аморальны поступки, которые он совершает ради этого сообщества или совместно с ним, нельзя сказать, что он коррумпирован».³⁷

Получается, что если буржуазия стремится к личной выгоде и создаёт рабочие места, способствует увеличению общественного богатства, но при этом не прикрывается какими-либо «более или менее идеализированным интересам какого-либо коллектива», то она однозначно коррумпирована, она разлагается и её надо уничтожить. А грабить и воровать во имя даже фальшивых идеалов коллектива вполне морально и простительно.

Некоторую проблему для Бакунина представляли физические различия индивидов: один больше, другой меньше, одни сильнее других, соответственно, разными были и материальные потребности люди – в пище, одежде. Разными являются и способности людей к занятиям наукой, музыкой, живописью и т. д. Признавая разнообразие людей богатством человечества, Бакунин, тем не менее, надеялся, что после ликвидации неравенства, порождаемого правом наследования, неравенство, вытекающее из различия природных способностей, сил и энергии индивидов, будет, по крайней мере, ослабевать под воздействием равенства в воспитании и социальной организации.³⁸

Но уменьшение разнообразия людей должно привести к снижению творческого потенциала человечества, к уменьшению его возможностей отвечать на вызовы природы и общественного развития. Как обычно, на эти проблемы, вытекающие из его идей, Бакунин не обращал внимания, он или не видел противоречий в своих высказываниях, или не хотел их замечать.

Большое значение для будущего общества справедливости-уравнения Бакунин придавал преодолению различий между умственным и физическим трудом. Он исходил из того, что труд является основой достоинства человека и его права, «свободным разумным трудом творит человек цивилизованный мир», благодаря труду человек отвоёвывает у животной природы своё человеческое достоинство. Но на идее труда лежит «клеймо бесчестия». Во-первых, потому что с древности существует мнение, что для гуманистического развития посредством науки, искусства, законотворчества, управления меньшей части человечества, большинство должно заниматься физическим трудом в качестве рабов или пролетариев. Во-вторых, из-за разделения труда на умственный и физический, причём первый считается более почёт-

³⁶ Бакунин М. А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности // Вопросы философии. 1990, №12. С. 59—60.

³⁷ Там же. С. 60.

³⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 292—293.

ным, доступным только для привилегированного меньшинства. Эта привилегия – умственный труд – закрепляется за меньшинством не законом, а обладанием капиталом, богатством.

Поэтому для Бакунина было недостаточно провозгласить формальную свободу труда, провести, как он говорил, правовую реабилитацию, что сделала уже Французская революция. Необходимо было также ликвидировать разделение на умственный и физический труд.

Бакунин считал настоящим, благородным, трудом только физический труд, заявлял, что уже античные рабы были более нравственными, благодаря «спасительным действиям труда» (физического, естественно). В то же время античная городская община была развращена «привилегированной праздностью граждан», а мир дворянства был обессилен и деморализован «привилегией праздности».

В современном Бакунину мире теоретически признаётся достоинство труда и в глазах общественного мнения позорно не трудиться, писал он. Но разделение на умственный и физический труд, при котором занятие первым достаётся меньшинству в качестве привилегии по рождению, а не за личные способности, порождает «три великих зла»: «для привилегированных капиталов», для народных масс и, вытекающее из двух предыдущих, для «продукции, благосостояния, справедливости и умственного и морального развития всего общества».

Привилегированные классы страдают от того, что «взяв себе при распределении социальных функций наиболее удобную их часть, они начинают занимать в умственном и моральном мире все менее и менее значительное место». Необходимый для развития ума, науки и искусства досуг надо заслужить «дневным трудом», он должен быть заслуженным отдыхом, зависящим «лишь от большей или меньшей степени энергии, способности и доброй воли отдельного лица и быть предоставлен обществом всем без исключения и в равной мере». А свободное время, предоставляемое по привилегии, только расслабляет, деморализует и убивает ум. История учит, что, за редкими исключениями, привилегированные классы всегда были «наименее продуктивными в умственном отношении, а величайшие открытия в области науки, искусства и промышленности были в большинстве случаев сделаны людьми, которые в юном возрасте были вынуждены зарабатывать себе тяжёлым трудом».

Зло для народа состоит в том, что он «работает для других, и работа его – без свободы, досуга и умственной деятельности – тем самым делается недостойною и унижает, подавляет и убивает его. Он вынужден работать на других, ибо, рождённый в нищете, без воспитания и разумного обучения, морально порабощённый религиозными влияниями, он оказывается брошенным в жизнь, безоружным, лишённым авторитета, без инициативы и собственной воли».

Зло для всего общества возникает потому, что «благодаря такому несправедливому и пагубному извращению труд народа становится чисто механическим, напоминающим труд рабочего скота, и, обесчещенный и презираемый, естественно лишается всякого права». Меньшинство, пользующееся монополией науки, само бывает «поражено и в уме, и в сердце в такой степени, что от избытка знаний глупеет; ибо нет ничего вреднее и бесплоднее, как патентованная и привилегированная интеллигентность». А «народ, совершенно лишённый науки, подавленный повседневным, механическим трудом, который скорее его притупляет, чем развивает его природные интеллектуальные способности, лишённый света, который указал бы ему путь к его освобождению, – народ напрасно надрывается над своей принудительной работой, и так как численное превосходство всегда на его стороне, то он всегда является угрозой существованию самого общества».

С целью преодоления разделения труда на умственный и физический, искоренения порождаемого им зла Бакунин предлагал по-другому организовать существующее несправедливое разделение умственной и физической работы, чтобы оба вида труда стали «единой производительной деятельностью». Он писал: «Когда человек науки будет работать, а человек труда будет думать, интеллигентный и свободный труд будет почитаться лучшим украше-

нием и похвалой человека, основой его достоинства, его права, проявлением его человеческой мысли на земле – и тогда человечество обретёт своё устройство».³⁹

Для Бакунина труд умственный – управленца, учёного, писателя, художника и т. п. не труд вовсе, а развлечение, не требует особых затрат сил, энергии, времени, а является лёгким времяпрепровождением в качестве досуга. Но это совершенно не так, умственный труд требует не только особых способностей, талантов к тому или иному виду деятельности, но огромных затрат энергии. Известно, что даже в обычной жизни большая часть потребляемой человеком энергии расходуется на работу мозга и всей нервной системы, в том числе и при физическом труде.

Большинство свободных граждан античности вовсе не были бездельниками, свободные земледельцы, ремесленники и торговцы численно превосходили рабов и играли определяющую роль в экономике. Большинство дворян в России и других странах не были праздными, а несли военную и государственную службу. Были, конечно, среди них и такие, как Бакунин, которые никогда не служили и не трудились, но это было всего лишь исключение из правил.

Ещё одним краеугольным основанием будущего общества, наряду со справедливостью-уравниванием (равенством-справедливостью), Бакунин считал **свободу**.

Свобода для него представлялась высшей целью и смыслом существования, абсолютной ценностью, сущностью человека. Человек, согласно взглядам Бакунина, должен стремиться к познанию мира во всей его всесторонности, чтобы «в этом мире слепой фатальности он мог основать царство свободы», «человек мыслящий, деятельный, сознающий своё человеческое назначение остаётся гордым и спокойным в сознании своей свободы, которую он сам завоёвывает, просвещая, подкрепляя, освобождая и в случае нужды бунтуя окружающий его мир. Вот его утешение, его награда, его единственный рай».⁴⁰

На представления Бакунина о свободе, о её роли в человеческой истории оказала огромное влияние немецкая философия, особенно идеи Гегеля. Он не выводил идею безусловной свободы из законов развития общества, скорее наоборот, история человечества представляла для него прежде всего «свободное, но вместе с тем необходимое развитие свободного духа».⁴¹

В более или менее развёрнутых характеристиках будущего анархического общества, сделанных в 1860-х гг., Бакунин всегда на первое место ставил отрицание бога и принципа власти. Поклонение богу он заменял «уважением и любовью к человечеству», человеческий разум определял единственным критерием истины, человеческую совесть основой справедливости, а «*индивидуальную и коллективную свободу* единственной созидательницей порядка в человечестве».

Особенно основательно Бакунин рассматривал роль свободы как ключевого принципа общественного устройства: «*Свобода* есть абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин не искать чьего-либо разрешения на свои деяния, кроме решения своей собственной совести и своего собственного разума, определяться в своих действиях только своей собственной волей и, следовательно, быть ответственным лишь ближайшим образом перед ними, затем перед обществом, к которому они принадлежат, но лишь постольку, поскольку они дают своё свободное согласие принадлежать к таковому».

Теоретик анархизма даже не признавал распространённую в его время точку зрения, что свобода одного гражданина ограничивается свободой всех остальных и неразрывно связывал принципы свободы и равенства. Для него человек свободен только тогда, когда его свобода, признанная «свободной совестью остальных», «находит в свободе других подтверждение и расширение в бесконечность» и «человек действительно свободен только среди равным образом

---

³⁹ Там же. С. 293—297.

⁴⁰ Там же. С. 222.

⁴¹ Там же. С. 106—107.

свободных людей, и так как он свободен лишь в своём качестве человека, то рабство хотя бы одного-единственного человека на земле является как нарушение самого принципа человечности, отрицанием свободы всех».

Свобода тесно связывалась Бакуниным не только с равенством, но и со *справедливостью*, которая для него есть «осуществление свободы в правовом и фактическом равенстве».

Свобода должна была заменить религиозный авторитет, закон и мораль: «Уважать свободу ближнего есть *обязанность*; любить его, служить ему есть *добродетель*».

Общество, основанное на принципе «авторитета и государственной необходимости», должно смениться обществом, построенном на принципе свободы, лежащем в основе политической и экономической организации: «*Порядок в обществе должен быть равнодействующей всех местных, коллективных и индивидуальных свобод, достигших возможно высшей степени развития*».

Для достижения этой цели Бакунин предполагал заменить политическую и экономическую организацию общества, построенную на основе принципа сверху вниз и принудительной централизации, организацией – «*снизу вверх и от периферии к центру*», по принципу свободной ассоциации и федерации».

Бакунин заявлял о необходимости отмены политических, социальных, юридических, экономических и финансовых учреждений, институтов, кодексов и т.д., но тем не менее говорил о сохранении республики и введении всеобщего избирательного права, внутренней реорганизации каждой страны на принципе безусловной свободы индивидов, производительных ассоциаций и общин как исходной точки и основы.

Бакунин подробно перечислял индивидуальные права граждан в обществе справедливости-уравнения и свободы. Это, прежде всего, право «каждого отдельного мужского или женского существа пользоваться со дня своего рождения до своего совершеннолетия полным содержанием, охраной, защитой, воспитанием и обучением за счёт общества во всех общественных школах, низших, средних и высших, профессиональных, обучающих искусству и наукам».

Затем следовало: «Равное право каждого на совет и в пределах возможности на помощь со стороны общества в начале своего жизненного пути, каковой каждый достигший совершеннолетия будет избирать свободно; затем общество, объявившее его абсолютно свободным, уже не будет иметь какого-нибудь дальнейшего авторитетного наблюдения за ним и сложит с себя всякую дальнейшую ответственность за него, причем на обществе остаётся лишь обязанность по отношению к нему уважать его свободу и в случае нужды защищать таковую». (От кого, если царят всеобщие равенство и справедливость и все уважают свободу друг друга, как и кто будет защищать, если государства нет? – авт.)

При этом Бакунин не желал ограничивать свободу индивида чем-либо: «Свобода каждого совершеннолетнего индивида, мужчины или женщины, должна быть полной и безусловной; свобода передвижения, свобода громко высказывать всякое своё мнение, быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным – одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим имуществом, не отдавая в этом никому отчёта; свобода честно жить собственным трудом или позорной эксплуатацией благотворительности или личного доверия, раз последние добровольны и оказываются взрослым лицом». Он был сторонником ведения любой пропаганды любыми средствами без ограничений, кроме силы общественного мнения, за безусловную свободу союзов и соглашений, даже аморальных или кажущимися таковыми, включая те, «целью которых было бы извращение и разрушение индивидуальной и общественной свободы».

В своём стремлении защитить принцип неограниченности свободы индивида Бакунин доходил до крайних пределов: «Свобода может и должна обороняться только свободой». Опасным противоречием и бессмыслицей для него является любое посягательство на свободу под

предлогом её защиты: «Ибо мораль не имеет другого источника, другого побуждения, другой причины и другой цели, кроме свободы, а так как она сама не что иное, как свобода, то все налагаемые на свободу в защиту морали ограничения обращаются во вред морали».

Так как причина индивидуальной и социальной аморальности, по мнению Бакунина, лежит только в «дурном общественном и семейном воспитании», в отсутствии или извращении общественного мнения, которое может существовать только благодаря свободе, а больше всего в «ошибочной организации общества», то необходимо прежде всего полностью разрушить основанную на неравенстве, привилегиях, божественном авторитете и презрении к человечеству политическую и общественную организацию и перестроить её «на основах полнейшего равенства, справедливости, труда и воспитания, опирающегося на разум и вдохновляемого лишь уважением к человеку, мы должны поставить её под охрану общественного мнения и вложить в нее душу безусловнейшей свободы».

Тем не менее, Бакунин допускал право обществ, нации, провинции или общины лишать взрослых индивидов их политических прав, если они не работают и живут за счёт общественной или частной благотворительности не будучи инвалидами, больными или старыми как средство борьбы с паразитирующими, злостными и вредными субъектами.

Бакунин предусматривал запрет на юридическое оформление продажи своей свободы при допущении добровольного рабства без контракта с лишением таких рабов политических прав и права воспитывать своих детей на время рабства.

Как ни странно, в анархическом безвластном обществе Бакунина всё же должны были наличествовать наказания и законы. Наказания могли накладываться на посягнувшего «на общественность, личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца» согласно «местным законам».⁴²

Большое значение Бакунин придавал различного рода ассоциациям и принципу федерации. По его мнению, кооперативные рабочие ассоциации могли создать новый общественный строй на основе различных промышленных групп, организованных согласно нуждам производства, вместо наций и политики.

Как и в отношении свободы индивидов, Бакунин признавал только принцип абсолютной, ничем и никем неограниченной свободы, неограниченной даже для защиты общества от злоупотреблений этой свободой: *«Все ассоциации, какая бы ни была их цель, равно как и все индивиды, должны пользоваться безусловной свободой. Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация – не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели – религиозной, политической, научной, промышленной, художественной или даже в целях взаимного развращения и эксплуатации людей беспечных и глупых, при условии, что последние уже достигли совершеннолетия. Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения»*. Но и «общественное мнение» может только лишать «губительные ассоциации» общественной гарантии, отказывать в юридическом признании, в политических и гражданских правах.

При административно-территориальном делении страны должны учитываться исторические традиции, потребности данного времени и особые обстоятельства, считал Бакунин, но при непереносимой обязательности и всеобщности двух принципов: все организации должны идти снизу вверх от общины к центральному единству путём федерации и между общинами и государством должен стоять по меньшей мере один автономный посредник: департамент, область или провинция. Этот посредник необходим для сопротивления «равномерно и деспотически централизующему давлению государства». (Хотя государства не должно было быть совсем – В.Б.).

⁴² Там же. С. 276—282.

Бакунин также подробно описывал принципы организации федеративного устройства общества снизу вверх от автономной общины до интернациональной федерации, социальной организации на основе равенства и справедливости, труда, общественного воспитания.

Легальная семья Бакуниным упразднялась, церковный и гражданский брак заменялись свободным, общество обязывалось содержать беременных женщин и кормящих матерей, родители могли оставить у себя детей и воспитывать их только под опекой и надзором общества, так как дети не принадлежат ни родителям, ни обществу, а только себе и своей будущей свободе, а родители являются всего лишь их естественными опекунами, однако законный и верховный их опекун – общество.

В воспитании детей церковь у Бакунина заменялась школой. Именно школа должна была воспитывать подрастающие поколения на началах разума, истины, справедливости, уважения к человеку, сознания собственного достоинства, неразрывно связанного с человеческим достоинством других, любви к свободе для себя и для всех других, культа труда как основы и условия всякого права, презрения к неразумию, лжи, несправедливости, трусости, рабству и праздности. Общественное воспитание, возложенное на школу, должно было сначала «образовать людей, затем рабочих, – специалистов и граждан». По мере взросления детей начало авторитета должно, естественно, всё более и более уступать своё место в воспитании началу свободы, чтобы при достижении зрелости, а, следовательно, полноправной свободы юноши забыли о властвовании над ними кого или чего либо. «Уважение к человеку, этот зародыш свободы, должно оставаться налицо даже при самых суровых и безусловных проявлениях авторитета».

Совершеннолетнего юношу предлагалось объявлять свободным и безусловным хозяином своих поступков. В качестве компенсации общественных затрат за время его детства от него требовались только оставаться свободным, жить своим трудом и уважать свободу других.

Бакунин исходил из того, что преступления и пороки порождаются только дурной социальной организацией, поэтому «при организации и воспитании, основанных на разуме, справедливости, свободе, уважении к человеку и полном равенстве, добро станет правилом, в то время как зло будет представлять болезненное исключение, которое под всемогущим влиянием морализованного общественного мнения будет всё реже и реже встречаться».

Старики и больные, при сохранении всех политических прав, должны будут пользоваться «обильным содержанием и полным уходом за счет общества».⁴³

Большое внимание Бакунин уделял методам достижения идеального общества справедливости-уравнения и свободы. Путь к светлому будущему у него пролегал через социальную революцию. Эта революция должна была полностью разрушить старый мир, уничтожить всех эксплуататоров и их подручных, притом уничтожить в том числе физически, а не просто отменить частную собственность, деление общества на классы, привилегированные группы. Революцию должен был, по мнению теоретика анархизма, совершить сам народ, всегда готовый к революции в виде бунта.⁴⁴

Отметим несколько важных положений взглядов Бакунина на революцию, народ, роль науки и молодёжи в разрушении старого мира.

Во-первых, Бакунин считал бунтарём и социалистом по своей природе не только русского крестьянина, но и германских крестьянина и рабочего, надо полагать, вообще всех эксплуатируемых, вне зависимости от национальности. В Европе он поддерживал отношения с анархистами разных стран, участвовал в революционных выступлениях во Франции и Германии.⁴⁵

Во-вторых, Бакунин никогда не заботился об объективных предпосылках революции, для него она была возможна в любой момент и главное для него заключалось в наличии революци-

---

⁴³ Там же. С. 282—301.

⁴⁴ См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. С. 138—177.

⁴⁵ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 490, 486—487.

онного инстинкта, инстинкта свободы, «страсти к равенству», «святого чувства бунта и уверенности в своей правоте. Отсюда отрицание им необходимости в пропаганде, оцениваемой как празднословие, и призыв к делу, допущение любых средств совершения революции-бунта.⁴⁶ Народ – бунтарь по своей природе и надо только соединить его отдельные выступления в один всеобщий бунт, т.е. народную революцию.

В-третьих, очень противоречивым было отношение Бакунина к образованию, просвещению, науке, знаниям.

Анархист призывал молодёжь учиться у народа, который «Западом никогда не увлекался, потому ему и до отрицания его нет никакого дела», заявлял, что «главное то, что со всею своею наукою мы бесконечно беднее народа». Он признавал, что народ груб, безграмотен, но «зато в нём есть жизнь, есть сила, есть будущность – он есть», а жизнь образованной части общества «пуста и бесцельна», у неё «нет ни дела, ни поля для дела».⁴⁷

Бакунин не ставил задачу просвещения народа, наоборот, он видел в его невежестве и зверином состоянии положительную сторону – рабочие и крестьяне «сохранили свежесть ума и сердца», нравственное здоровье, имеющееся у них благодаря труду, помогло им сохранить чувство справедливости, здравый смысл, способность сочувствовать несчастьям других.⁴⁸

Но в философских и теоретических работах Бакунин высоко оценивал значение науки, научного знания, постоянно подчёркивал подчинённость природы вообще и человечества в частности природным и общественным закономерностям, в познании которых он видел ключевое отличие человека от животного мира. А в революционных сочинениях, в обращениях к молодёжи он отрицал вместе с другими ценностями старого мира и старые знания, призывал удаляться из университетов и учиться у народа.

У теоретика анархизма получалось, что наука необходима «для рациональной организации общества», но неспособна заниматься «реальным и живым» и поэтому «не должна вмешиваться в реальную и практическую организацию общества».

Для решения этой проблемы Бакунин предлагал ликвидировать науку «как моральное начало, существующее вне всеобщей общественной жизни и представленное корпорацией патентованных учёных» и распространить её в широких народных массах, наука должна стать коллективным сознанием общества и всеобщим достоянием. Сохранив в таком случае свой универсальный характер и продолжая заниматься общими причинами и условиями, общими отношениями индивидов и вещей, наука «в действительности сольётся с непосредственной и реальной жизнью всех человеческих индивидов». Он проводил параллель с Реформацией, которая отрицала необходимость в священниках, так как теперь каждый человек мог стать собственным священником.⁴⁹

Предложение Бакунина могло привести только к ликвидации науки как таковой, как вида профессиональной специализированной деятельности и ни к чему иному. Наука, как и любой более или менее сложный вид деятельности, требует длительной и сложной специальной подготовки, больших затрат умственной энергии и не может существовать в ином виде. А у протестантов очень рано появился институт священников, а авторитетные учителя и наставники были изначально.

Бакунин утверждал, что социально-экономическая наука доказала необходимость уничтожения личной наследственной собственности, а, следовательно, коллективной как необходимого условия будущего социального строя и таким образом дошла до «отрицания самой идеи государства и государственования, т.е. управления обществом сверху вниз во имя какого-

---

⁴⁶ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 218—222.

⁴⁷ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 334—336.

⁴⁸ Там же. С. 162.

⁴⁹ Там же. С. 587—590, 594—596.

либо права и пришла к анархии, поэтому «никакой учёный не в состоянии научить народ, не в состоянии определить даже для себя, как народ будет и должен жить на другой день социальной революции».⁵⁰

У Бакунина выходило, что, если научные исследования можно использовать для обоснования анархизма, то – это наука, а если нет – то шарлатанство.

На первый взгляд, понимание Бакуниным роли науки и просвещения в обществе являются простыми и неопасными заблуждениями. Но это не так, потому что он сам делал из этого серьёзнейшие выводы и призывал молодёжь: «Интересы современной, реальной науки есть интересы царя и капитала, которым она исключительно служит, исключительно потому, что до сих пор ни из одного открытия не сделано прямого приложения к народной жизни; все открытия или эксплуатируются барством, дилетантами, торгашами, или приноравливаются на увеличение военных сил. Вся изобретательность учащих направлена в сторону не народную, и потому интересы этой реальной науки не есть наши интересы... Данное поколение должно само образовать ничего не щадящую грубую силу и идти безостановочно по дороге разрушения. **Здоровый не испорченный мозг молодежи должен понять, что гораздо человечнее резать и душить десятки, много сотни, ненавистных людей** (выделено авт. – В.Б.), чем участвовать с этими людьми в систематических *законных* убийствах, мучениях и терзаниях миллионов мужиков, как участвуют более или менее непосредственно наши чиновники, наши учёные, наши попы, наши купцы, словом, все сословные, гнетущие бессловных!... Пусть же все здоровые молодые головы принимаются немедленно за *святое дело* истребления зла, очищения и просвещения Русской Земли огнём и мечом, братски соединяясь с теми, которые будут делать то же в целой Европе».⁵¹

В другой прокламации 1869 г. Бакунин призывал: «Итак, молодые друзья, бросайте скорее этот мир, обречённый на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда разъединить вас с народом. Ступайте в народ! Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, как служить народу и как лучше вести его дело. Помните, друзья, что грамотная молодёжь должна быть не учителем, не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальной бабкой самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтоб приобрести способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе. Не хлопчите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа»⁵².

Человеку, не отягощённому знанием, культурой, не занимающемуся повседневным трудом действительно легче «резать и душить». В этом Бакунин абсолютно прав. И эти его идеи многократно подтверждены историей, особенно в XX – и в начале XXI в. – хунвейбины в маоистском Китае, красные кхмеры в Камбодже, дети-солдаты в африканских странах. Но все эти случаи массовой резни во имя высоких целей, в том числе создания общества справедливости-уравнения к успеху не привели.

Хотя Бакунин постоянно повторял мысль о народе как главной революционной силе, его стихийной готовности к бунту, призывал молодёжь учиться у народа, раствориться в нём, тем не менее, он придавал большое значение деятельности отдельных личностей в революции. Эти личности должны были просветить народ, сформулировать народные желания, требования и идеалы, понимание будущего, так как сам тёмный народ сделать это не в состоянии. Они же должны объединить раздробленный и разобщённый народ, организовать его одновре-

⁵⁰ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 306—307.

⁵¹ Там же. С. 222.

⁵² Там же. С. 213.

менное восстание. Призывать революционную молодёжь «раствориться в народе», утверждать, что надо учиться не в школах и университетах, а у народа и тут же заявлять о неспособности народа сформулировать свои требования и идеалы, о том, что это должны сделать за народ революционные личности – более чем нелогично. Но бакунинские идеи пронизаны подобного рода противоречиями.

Так как существует опасность, что во главе революции окажутся какие-нибудь честолюбивые проходимцы, поначалу революционеры и демократы, Бакунин полагал, что революционные личности не должны стоять во главе толпы и ею повелевать, а должны действовать скрытно в самой толпе и незаметно связывать своей деятельностью одну толпу с другой, также незаметно придавать движению одно направление, один дух и характер. Только в таком случае имеет смысл и необходимость создание «тайной подготовительной организации». ⁵³

Для борьбы с централизованным государством революционеры вынуждены создавать революционные организации на основе «строжайшей организационной дисциплины, основанной на полнейшем самоотвержении и самозабвении каждого – надо, говорю я, чтоб они всегда и везде действовали, как один человек». И Бакунин уподоблял революционную организацию штабу революционного войска, а весь народ – этому войску.

Опасность проникновения в революционную организацию недостойных людей, способных превратить её в порабощающую народ силу и использовать её в корыстных целях, Бакунин надеялся предотвратить введением полного самоотречения, отказа от личной собственности, от официальной или публичной власти и силы, вообще от всякого значения в гражданском обществе для революционеров, даже отказа ими от собственной воли. Он подчёркивал, что «действует не лицо, а только коллективность». ⁵⁴

Опасность превращения революционеров, освободителей народа, в его порабощателей, в диктаторов осознавалась в 1860—1870-е гг. как самими революционерами, так и их оппонентами. И единственным ответом на эту весьма реальную опасность у самих революционеров была надежда на высокие моральные качества революционеров, особенно их вождей. Отсюда Рахметов и новые люди Чернышевского, которые появляются из ниоткуда накануне революции и исчезают в никуда после неё, так как неприспособлены к мирной жизни.

Но надежды на высокоморальных личностей чреваты большими бедами. Достоевский уже тогда прямо ставил вопрос: «Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего её могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли... Но тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который если попадётся под машину, то всё разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчёт в пользу собственной выгоды. Например: я приношу и жертвую всего себя для всех; ну вот и надобно, чтоб я жертвовал себя совсем, окончательно, без мысли о выгоде, отнюдь не думая, что вот я пожертвую всего себя и за это само общество отдаст мне всего себя». ⁵⁵ Эту проблему Достоевский ставил и в своих романах, особенно «Бесах» и «Преступлении и наказании».

Кроме самоотречения, другой способ предотвращения морального разложения революционеров Бакунин видел в строжайшей дисциплине, в отказе от своей принципиальнейшей идеи абсолютной и ничем неограниченной свободы. Многократно говоривший о праве каждого индивида входить в какую-либо ассоциацию и выходить из неё, он лишал этого права революционеров – вступление в организацию было свободно, но выход из неё невозможен, вступление было «безвозвратно».

⁵³ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 219.

⁵⁴ Там же. С. 280—282.

⁵⁵ Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. V. Л., 1973. С. 79—80.

Бакунин высказывал себя сторонником самого крайнего фанатизма, подчинённости личности «торжеству народного дела» вплоть до ненависти ко всему, что может помешать этому делу, железной дисциплины, отказа от обсуждений и споров даже внутри революционной организации. Теоретик анархизма понимал, что в таком случае возможно установление диктатуры руководства революционной организации. Но он надеялся, что наличие чёткой программы, рекомендации вновь вступающим со стороны доверенных лиц, коллективизм и взаимный контроль, прозрачность действий (как этого добиться при полной секретности? – В.Б.), «вечная неизвестность», «пожизненная незначительность» и отказ от высоких должностей в случае победоносной революции лидеров организации, отсутствие группировок позволит предотвратить нежелательное развитие событий и установление диктатуры вождей.

Но при этом Бакунин считал необходимым, чтобы рядовые члены революционной организации не знали руководителей и руководство бы само пополнялось за счёт «наиболее достойных».⁵⁶

Бакунин описывал организационные принципы революционной организации на примере Комитета «Народной расправы» С. Нечаева, организации совершенно мифической, не существовавшей. Но как раз эти организационные принципы создавали и создают почву для мистификаций, для установления диктатуры руководителей, злоупотреблений с его стороны, морального и политического разложения.

Ошибочно думать, что на Бакунина подействовало обаяние личности С. Нечаева и он пошёл у того на поводу и сформулировал организационные принципы, прямо противоречащие основополагающим идеям анархизма. Вовсе нет, как раз статьи Бакунина оказали влияние на формирование взглядов Нечаева.⁵⁷ В одной из них Бакунин прямо писал: «Без дисциплины, без строя, без скромности перед величием цели мы будем только тешить врагов наших и никогда не одержим победы».⁵⁸

Для С. Нечаева были характерны мистификация, прямой обман, фальсификация, применение подлога, рассылка прокламаций по почте, что было чревато арестом для получателей, использование любых методов, вплоть до убийства для привлечения людей в революционную организацию и удержания их в ней. И на словах, и на практике Нечаев проводил принцип – «цель оправдывает средства». Бакунин мало уступал ему в этом.⁵⁹ Но негодными средствами нельзя добиться достижения хороших целей, тем более и цели были неверно поставлены.

Надежды Бакунина на массовое народное восстание весной 1870 г. оказались напрасными. Русские крестьяне предпочли от помещиков откупиться, а не бунтовать, анархические идеи общества справедливости-уравнения они не воспринимали, а сами народники от безудержной веры в революционные возможности народа пришли к тактике террора и идее права революционеров применять силу к самому народу в случае, если он не следует вслед за революционерами.⁶⁰

Разочаровался в народе в конечно итоге и сам неистовый революционер и бунтарь Бакунин, написавший 15 июля 1875 г. Э. К. Ралли: «...Оглядываясь на окружающие нас события и явления момента, в который мы живём, на подлость, мелкоту, трусость, бездушные характеры; на полное отсутствие честных стремлений (в большинстве), на тупость, эгоизм, на буржуазность, и беспомощность пролетариата, на стадность, на самолюбование и проч... на весь современный склад нравственной личности, на социалистическую развращённость рабочего, испорченного болтовней и утратившего даже инстинкт, – я ничего не жду от современного

⁵⁶ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 282—284.

⁵⁷ Там же. С. 175—176.

⁵⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 337.

⁵⁹ Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864—1873 годы. М., 1984. С. 153—210, 240—243; Она же. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 17—18.

⁶⁰ См. подробнее: Болоцких В. Н. Мораль и личность российских революционеров. Новосибирск, 2000.

поколения. Знаю только один способ, которым ещё можно служить делу революции, – это срывание масок с так называемых революционеров. Почва наша до того засорена, что много надо трудов, чтобы только очистить её от всякой дряни, и то, что бы ни посеялось, всё заглушится сорной травой и бурьяном. Пример всюду: во Франции, Италии, Испании, в Швейцарии. Могу назвать тысячи. Произрастание бурьяна и сорных трав – вот период, в котором мы живем. Суемудрие, скажете вы? – Какой чёрт суемудрие, разве вы не знаете, что в революционной партии на 100 человек, наверно, 90 подлецов и негодяев, вредящих делу. Это между интеллигенцией, а в народе? Вот с каких пор я наблюдаю и вдумываюсь в народ, после Парижа, Лиона, после французской войны и Коммуны, везде вижу одно – лишь полное отсутствие человечности, одну лишь цивилизационную гангрену буржуазных стремлений. Исключения редки и даже, по-моему, необъяснимы. Что же делать? Ждать. Ждать, что, может быть, обстоятельства европейские сложатся круче, т.е. совокупность экономических и политических условий. Индивидуальная же деятельность, организаторская, агитаторская не приблизит, не изменит ничего. Поле не за нами, а за сорной травой. – Все Марксы, Утины, все практические подлецы могут ещё действовать, т.е. исполнять своё назначение – развращать человеческую мысль и волю. Тут поприще готовое и подготовка богатая и задатки громадные. Наш час не пришёл».⁶¹

---

⁶¹ Цит. по Пирумова Н. М. Предисловие к публикации // Бакунин М. А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности. Вопросы философии. 1990, №12. С. 55.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.